

Ящерицы Гауди.

Мечты сбываются.

Главное —
сделать первый шаг.

Алёна Лукина

Ящерицы Гауди. Мечты сбываются. Главное — сделать первый шаг

<https://litres.ru/74565019>

SelfPub; 2026

Аннотация

О чём эта книга.

Это не книга о разводе. Это не книга о ковиде. Это не книга о ремонте. Это книга о том, что происходит с женщиной, когда она остаётся одна с двумя детьми, тремя чемоданами и одной мечтой.

Алёне сорок лет. Три года после развода. Она ходит на маникюр, качает пресс. Она думает, что отношений больше не будет. Она думает, что больше не будет счастлива. Она думает, что море — это просто море.

А потом она летит в Таиланд. И там тайский массаж ломает ей поясницу. И она врёт страховой. И она сидит на скамейке у тайской больницы с двумя детьми в отеле и не знает, как встать. И она едет на слоне, который скользит по мокрому склону. И она стоит на мостках над чёрной водой в два часа ночи и держит фонарик, чтобы дочке не было страшно.

А потом она возвращается домой. И узнаёт, что пять сантиметров, которых она боялась, — не было. Никогда.

И она начинает жить. По-настоящему.

Это история о том, что море бывает мутным. Но оно всё равно море. И оно всё равно вернётся.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алёна Лукина Ящерицы Гауди. Мечты сбываются. Главное — сделать первый шаг

Глава

ЯЩЕРИЦЫ ГАУДИ

Мечты сбываются. Главное — сделать первый шаг.

Вступление

Меня зовут Алёна.

В детстве я очень много читала. Я до сих пор помню эти ощущения: шершавый корешок новой книги под пальцами, лёгкий хруст, когда открываешь её впервые, гладкие страницы, которые хочется погладить, запах типографской краски

и клея — тёплый, немного пыльный, как чердак у бабушки. Я могла провести рукой по обложке и почувствовать, какая она — матовая или глянцевая. Могла открыть книгу на середине и вдохнуть — и сразу понять, новая она или уже кем-то читана.

Моя бабушка, мама папы, работала заведующей библиотекой. Помню, как мы с сестрой принимали новые книги: клеили формуляры, ставили штампик на 17-й странице, расставляли на полки. И читали взапой. Всё подряд.

Однажды я спросила у бабушки:

— Ты работаешь библиотекарем. А у тебя есть любимая книга?

Бабушка ответила, что все книги разные и очень многие из них — любимые. В тот момент она почему-то выделила для себя книгу Вячеслава Шишкова «Угрюм-река».

Тогда я не придавала этому значения. Мало ли, какая книга нравится бабушке. У неё их тысячи.

Прошло тридцать лет.

Я жила в Москве. Работала. Воспитывала двух дочек.

Развелась. Начинала всё заново. И однажды — случайно, в книжном магазине, среди сотен корешков — мне попалась «Угрюм-река».

Я взяла её в руки. Шершавый корешок. Гладкие страницы. Запах — тёплый, немного пыльный. Как чердак у бабушки.

Я купила её. И прочитала от корки до корки.

«Угрюм-река» — это роман Вячеслава Шишкова, написанный в 1932 году. История семьи Громовых. Три поколения. Сибирь. Золото. Тайга. Река, которая не прощает ошибок. Люди, которые идут против судьбы — и побеждают. Или погибают. Но не сдаются.

Это книга о предпринимательстве. О риске. О том, как поднять дело с нуля. О том, как идти вперёд, когда все против тебя. О том, как ошибаться, падать, терять — и всё равно вставать. О том, как строить. Как мечтать. Как действовать.

Это книга про авантюризм. Про дух первопроходца. Про людей, которые не ждут, пока им дадут. А берут сами.

И когда я дочитала последнюю страницу, я поняла: вот оно. Вот откуда во мне это. Дух авантюризма. Дух предпри-

нимательства. Желание делать. Желание строить. Желание жить так, чтобы всё было вовремя.

Я — из Сибири. Из Томска. Из Академгородка. Где лес, где воздух, где люди, которые не боятся начинать. Где сначала протаптывают тропинки, а потом кладут асфальт. Где сначала жизнь, потом стены.

И бабушка, которая выбрала «Угрюм-реку» среди тысяч книг. Она знала. Она чувствовала. Она передала мне это — не словами, а выбором. Не наставлениями, а любовью к книге.

Тридцать лет спустя я прочитала ту самую книгу. И поняла, кто я. И откуда во мне это. И почему у меня всё — вовремя.

Дома у моих родителей, в Томском Академгородке, как и полагается, тоже есть своя библиотека. Мою маму я не могу представить без книги. Мама читала и читает всегда. Папа знает наизусть «Евгения Онегина» и многие другие классические произведения — у него с детства очень хорошая память.

Бабушка-библиотекарь с дедушкой — героем Второй мировой войны и председателем совхоза — прожили вместе 50

лет. Мои мама с папой живут вместе больше 45 лет. Мои прабабушка и прадедушка прожили вместе почти 80 лет, дожив до 96 и 100 лет.

Все в моём роду — парные. Как лебеди.

А я — одна.

И вот здесь я должна остановиться. Потому что этот вопрос я задавала себе много раз. Почему? Почему у всех получилось, а у меня нет?

Психологи говорят, что мы выбираем партнёров по знакомым сценариям. Что дети из полных семей часто ищут то же, что видели дома. Что развод — это не точка, а запятая. Что после расставания нужно время на восстановление. Что нельзя входить в новые отношения, пока не закрыты старые.

Я всё это знаю. Я читала. Я ходила к психологу. Я прорабатывала.

Но есть и другое. Есть вещи, которые не объясняются сценариями и травмами.

Может быть, я просто не встретила того, с кем захотела бы прожить 50 лет. Может быть, я слишком хорошо знаю,

каким должен быть человек рядом — потому что видела это у бабушки с дедушкой, у мамы с папой, у прабабушки с прадедушкой. И не готова соглашаться на меньшее.

А может быть, я просто устала объяснять, доказывать, подстраиваться. Может быть, мне хорошо одной. Не потому что я не хочу любви. А потому что я уже знаю, что такое любовь — и не путаю её с зависимостью, привычкой или страхом одиночества.

Я не знаю точного ответа. И, честно говоря, перестала его искать.

Потому что в какой-то момент я поняла: я не одна. У меня есть две дочки. У меня есть родители, сестра, подруги. У меня есть работа, которую я люблю. У меня есть квартира, которую я сделала сама. У меня есть я.

И если однажды появится человек, с которым я захочу прожить ещё 50 лет, — хорошо. А если нет — тоже хорошо.

Главное, чтобы выбор был осознанным. Моим. Не мамы, не бабушки, не подруг, не общества. Моим.

Эта книга — про то, как я шла к этому выбору. Про 2019–2021 годы. Про Таиланд, Барселону, ремонт и ковид. Про

страх и его преодоление. Про то, что море бывает мутным, массаж — калечащим, слон — скользким. Но если у тебя есть план, проект, смета и сильное окружение — всё сбывается. Вовремя.

А ещё эта книга — про ящериц. Про трёх маленьких ящериц Гауди, которых я купила в Барселоне, когда у меня не было ни квартиры, ни плана. Только мечта. И которые теперь висят на ключах от квартиры, которую я сделала сама.

Почему ящерицы? Сейчас расскажу.

Глава 1. Шантарам

2019 год как будто знал, что в 2020-м придёт ковид и быть такими активными и свободными уже не получится. Он तो-ропился. Он выдавал события вагонами. Я не успевала записывать.

Но обо всём по порядку. Начнём с декабря.

Декабрь — месяц прорицательный и сказочный. Наверное, потому что все ходят в ожидании чуда и приятных сюрпризов. Даже те, кто в чудеса не верит. Даже я.

Норка, шармы и джип

Раз в четыре недели, строго по расписанию, я хожу на маникюр и педикюр на Арбате. Это не роскошь. Это терапия. Час, когда ты сидишь, ничего не решаешь, никого не воспитываешь, никому не отвечаешь — и на тебя при этом никто не орёт. Дешевле психолога. И ногти красивые.

В тот день у меня был план после маникюра: зайду в ювелирный на Старом Арбате, куплю дочкам шармы для браслетов. У меня был список. Настоящий, написанный детской рукой, список для Деда Мороза. Шарм-собачка — Ане. Шарм-сердечко — Насте.

Старый Арбат — это не просто улица. Это первая пешеходная улица Москвы. Здесь жил Пушкин после свадьбы. Здесь стоит стена памяти Виктора Цоя. Здесь каждый дом помнит кого-то: поэтов, художников, революционеров. Я иду по Арбату и чувствую, что иду по истории. Просто по своим делам. Просто за шармами.

И тут позвонил Сергей.

Мы познакомились незадолго до этого — случайно, в декабрьской суете, как знакомятся взрослые люди: быстро, без

предисловий. Сергей был масштабный. Метр девяносто. Сто с плюсом. На год меня старше. Такого мужчину видно изда- лека, и он это знал.

— Я заеду за тобой после маникюра, — сказал он. — По- ужинаем на Арбате.

Не спросил. Сказал. Есть мужчины, которые спрашивают, и есть мужчины, которые сообщают.

Он подъехал на огромном чёрном Mercedes. Джип. Я вы- шла из салона — в норке. Я родом из Сибири, и зимой я но- шу натуральный мех. Не для того, чтобы кого-то впечатлить. Просто мне холодно. И мне так нравится. И вообще, если не носить норку в Москве в декабре, то когда её носить?

Короче: я в норке. Он на джипе. Снег идёт. Арбат светит- ся. Мы идём ужинать в ресторан.

По дороге я упомянула:

— Мне надо зайти в ювелирный. Дочкам шармы купить. По списку.

— Зайдём.

Мы зашли. Я выбрала. Иду рассчитывать. И тут мой масштабный спутник поворачивается к продавцу и говорит:

— И вот в эту кучку с шарами положите ещё столько же. И браслет. Золотой.

Всё оплатил. Всё.

Я стояла и хлопала глазами. Как женщина, которая три года сама за всё платит, сама всё решает, сама себе покупает шармы. И тут бац — кто-то оплачивает. Просто так. Не за что-то. Не в обмен. Не в долг.

Не успела я опомниться, как мы уже сидели в ресторане и смотрели меню. За окном пушистый снег. Все ждут чудес. И я, честно говоря, тоже.

Я его поблагодарила. Конечно.

Но вот в чём штука: я настолько отвыкла от мужского внимания, что не понимала, как в этих случаях вообще себя вести. Улыбаться? Молчать? Шутить? Делать вид, что так и надо? Отказаться?

Я не знала. Совсем. И это меня удивило больше, чем золотой браслет.

Это был декабрь 2018 года.

Второй раз, когда он меня удивил

Сергей умел удивлять. Это, пожалуй, было его главное качество.

Второй раз он удивил меня тем, что приехал ко мне на работу. Пообедать.

Я работаю в очень серьёзной крупной международной организации. Руководителем отдела оценки и развития персонала. У нас пропускной режим. У нас пост охраны. У нас — я не шучу — просто так не заходят.

Я оформила пропуск. Он поднялся. И каково же было моё удивление, когда я вошла в столовую и увидела, что он уже сидит за столиком. Ждёт меня.

Как он прошёл дальше? Кто его пропустил? У меня нет ответов. Есть только версия: некоторые люди, зайдя один раз, дальше проходят везде.

За обедом он рассказывал, как его организация занимается оснащением телекоммуникационными системами башни

в Сити. Рассказывал про дочку, которая живёт в Донецке. Про то, что бывшая жена не разрешает ему с ней встречаться.

Тут я притихла.

Потому что в этой истории было одно слово, которое всё объясняло. Не «Донецк». Не «дочка». Слово было «не разрешает». Про взрослого мужчину. Метр девяносто, сто с плюсом, джип, Сити. А встречаться с собственной дочкой ему не разрешает бывшая жена. И он с этим живёт.

Я слушала и думала: «Как странно. Такой большой — а внутри такая большая дыра».

После этого мы перезванивались. Иногда ужинали. Было интересно. Но было беспокойно. Как-то беспокойно. Как будто я стою рядом с очень красивым, очень прочным домом — и всё время слышу где-то внутри тонкий скрип. Что-то там не так. Не знаю что. Но не так.

Русский стиль и тоска

На Новогодние я сидела дома. Уютно. Дети рядом. Ёлка. Мандарины. Я листала популярную соцсеть — как все мы в новогодние праздники, делая вид, что отдыхаем, а на самом

деле листая соцсети.

И наткнулась на рекламу.

Фотопроект в русском стиле. Роскошные царские наряды. Лошади. Русские борзые. Соколы. Берёзы. Снег. Всё то, что не про Москву с её стеклянными башнями, а про что-то другое — глубокое, своё, настоящее.

У меня в Москве тоска по всему русскому. По Сибири. По морозу. По берёзам. По чему-то, что я не могу объяснить словами, но что отзывается каждый раз, когда я вижу настоящую русскую зиму. Красивую. Не слякотную.

Что-то ёкнуло. Я набрала номер из рекламы.

Договорилась на фотосессию втроём: я, Настя, Аня. Конюшня в районе Планерной. От нашего дома — полтора часа. В фотосессию входит макияж, причёски, наряды, лошади, работа фотографа. Стоимость на троих со скидкой — восемнадцать тысяч рублей.

Отличная идея, подумала я. Как раз то, что нам нужно. Что-то красивое. Что-то вместе. Что-то своё.

Так я думала до того, как мы туда приехали.

На месте оказалось не так красиво

На месте оказалось не так красиво, как в рекламе. Классика жанра.

Директора проекта — дизайнера Анны — не было. Думаю, именно поэтому персонал был расслаблен. Расслаблен настолько, что наряды валялись в углах. Долго не могли дожидаться, когда нас накрасят и сделают причёски. Заявленных трёх часов нам не хватило — время растянулось, как жвачка на подошве.

А потом у меня началась аллергия. От конюшни. Глаза слезились. Я вся расчесалась. Косметика размазалась. Лицо опухло.

Всё пошло не так. Вообще всё.

Меня нарядили в красный наряд: бархатное длинное царское платье с накидкой. Шапочка типа шапки Мономаха. Кудри на мои длинные русые волосы. Ане — чёрное платье. Насте — зелёное, бархатное.

И нас троих усадили на коней.

И мы поехали в берёзовую рощу по белому январскому снегу.

И вот тут — слушайте — стало красиво.

Потому что никакой персонал не может испортить берёзы. Никакая аллергия не может испортить январский снег. Мы ехали по роще: три всадника, три фигуры, три разных возраста, три разные женщины — и всё это под белым небом, среди белых стволов. Это был январь 2019 года.

Из всей фотосессии мы выбрали по три-четыре фото, где мы по отдельности. И несколько, где мы вместе.

Моё лицо отредактировали. Потому что из-за аллергии я еле-еле перенесла этот день. На итоговых снимках я выгляжу как царица. В реальности я выглядела как человек, который час назад выпил полпачки антигистаминных и пытается не чесаться под шапкой Мономаха.

Но знаете что? Я не жалею. Ни секунды.

Приглашение

А потом нас пригласили на проект — представление нарядов Анны на Неделю моды. В Гостином дворе. Показ дол-

жен был состояться 8 марта 2019 года.

Гостиный двор — это не просто здание. Это памятник архитектуры XVIII века. Екатерина II планировала сделать его центром торговли. Здесь были склады, лавки, а в советское время — конторы. Сейчас это выставочный комплекс. И вот в этом самом Гостином дворе я буду идти по подиуму.

Мы внесли предоплату. Я лично познакомилась с Анной. И — вот это важно — после показа я участвовала ещё в трёх её проектах. Потому что иногда дверь открывается именно так: через аллергию, через конюшню у Планерной, через бархатное платье, которое пахло лошадыю.

Белорусская, 10:00–18:00

За неделю до показа нас всех собрали в помещении на Белорусской. С нами работали хореографы. С 10:00 до 18:00. Восемь часов. Нас усердно учили ходить по подиуму — а это, между прочим, не «просто пройтись». Это спина, подбородок, шаг, поворот, дыхание, взгляд. И так восемь часов подряд.

Нам мерили и подгоняли платья Анны. Нас было двенадцать человек.

Там я познакомилась с Леной — медийным психологом. Мы стояли в очереди на примерку и разговорились. Как всегда и происходит всё важное: не по плану, не в кабинете, а в очереди.

Три пригласительных

Анна дала мне три пригласительных на показ. Три. Настоящих. Их нельзя было нигде достать — они были на вес золота.

Первый — няне Анюты, Вике.

Второй — Настя отдала подруге Юле.

Третий — я отдала Сергею.

Понос

Перед показом я созвонилась с Сергеем. Он обещал нас отвезти.

Утром, в день показа, он сообщил, что плохо себя чувствует и не отвезёт. Но постарается прийти.

Я была в ожидании. У меня было пригласительное. У ме-

ня был мужчина, который — я думала — придёт и посмотрит, как я иду по подиуму в бордовом королевском платье со шлейфом. Это же красиво. Это же важно.

Он не пришёл.

Я стала выяснять. Выяснила. Причина была простой и предельно земной.

Понос.

Ну что ж. Бывает. Человек — существо биологическое. Империи рушатся, башни в Сити оснащаются телекоммуникациями, джипы стоят у подъезда — а потом случается понос. И всё, тебя нет.

Я не обиделась. Я, честно говоря, даже обрадовалась. Потому что в тот момент, стоя за кулисами в бордовом платье, я поняла кое-что важное: если человек хотел прийти — он бы пришёл. Даже с температурой. Даже в ковид. Даже с поносом он бы приполз и сел в первом ряду. А если не пришёл — значит, не так уж и хотел.

Это не про понос. Это про намерение.

Гостиный двор, 8 марта 2019

Проход по подиуму был очень волнительным. Нас долго красили профессиональные визажисты. Парикмахеры делали причёски. Мне ни причёска, ни макияж категорически не понравились — но так было задумано Аней Часовских.

Потом тренировали проходки. Мы с Настей были в бордовых длинных королевских платьях с длинным шлейфом.

И вот — выход. Под живую музыку. Анна Седокова поёт «Шантарам».

«Шантарам» — это книга Грегори Дэвида Робертса. О человеке, который сбежал из австралийской тюрьмы, добрался до Индии, жил в трущобах Бомбея, стал частью мафии, потерял всё и нашёл себя. Это книга о том, что можно упасть на самое дно — и всё равно выжить. Можно потерять всё — и всё равно найти. Можно быть никем — и стать кем-то.

Я иду по подиуму. В Гостином дворе. Мне сорок. Я из Сибири. Три года назад я развелась. Недавно у меня была аллергия и шапка Мономаха. А сейчас я иду под живую музыку, и шлейф тянется за мной, и свет слепит, и я иду, и не падаю, и это моя жизнь.

В первом ряду сидел Вячеслав Зайцев. И аплодировал.

Зайцев — это легенда. Кутюрье, художник, человек, который одевал советских женщин, когда одевать было особо нечем. Ему было за восемьдесят. Он сидел в первом ряду и смотрел, как я иду. И аплодировал.

Я всё равно приняла это на свой счёт. Имею право.

Аня выходила на подиум с другой коллекцией — детской. В невероятном платье с рыбками. Ей очень шло. Мы потом это платье купили.

Аня — рыбка по гороскопу. День рождения 2 марта. И на показе 8 марта ей только что исполнилось девять лет. В руках она несла — внимание — рыбку гуппи в пакетике с водой. Это была задумка дизайнера. Аня шла по подиуму с живой рыбкой в пакете.

В зале сидела няня Вика и визжала от восторга, глядя на Аню. Визжала на весь Гостиный двор.

Настина лучшая подруга Юля тоже смотрела из зала. Спокойно. Молча. Думала о чём-то своём.

А Сергея в зале не было.

И вот тут я поняла, что это нормально. Что всё нормально. Что я стою за кулисами в бордовом платье со шлейфом, рядом со мной две мои дочери, одна из которых шла по подиуму с рыбкой в пакетике, а в первом ряду сидел Зайцев. Всё это транслировалось по всему миру на Fashion TV. И мне для полного счастья не нужен никто, кто не смог прийти.

После

С Сергеем мы больше не созванивались и не общались. Просто перестали.

Иногда я вспоминаю декабрь: норку, джип, шармы, золотой браслет, снег за окном ресторана. И думаю: спасибо. Это было красиво. Это было нужно. Это научило меня одному важному делу — принимать подарки и внимание, не оправдываясь и не отказываясь.

А ещё я поняла: я не боюсь мужчин. Я просто больше не готова тратить время на тех, кто не приходит. Даже с поносом. Особенно с поносом.

Декабрь 2018-го был хорошим. Он подарил мне шармы, браслет и один важный урок.

А март 2019-го подарил мне подиум, «Шантарам», Аню с

группы в пакетике и Зайцева в первом ряду.

И тогда, в марте, когда я шла по подиуму в бордовом королевском платье, я ещё не знала, что через два месяца полечу в Таиланд. Что там будет море цвета грязного кофе. Что тайский массаж сломает мне поясницу. Что я совру страховкой. Что Аня будет бояться осьминога.

Я не знала ничего. Я просто шла. В бордовом платье. Со шлейфом. Под «Шантарам».

И это, пожалуй, лучшее, что можно делать в жизни — идти и не знать.

Год 2019 как будто знал, что в 2020-м всё это закончится. И торопился. И выдавал мне события вагонами: декабрь, январь, март, май.

Я не успевала записывать. Но я запомнила всё.

Глава 2. Море устало

Если бы мне сказали, что я полечу в Таиланд с двумя детьми, что тайский массаж отнимет у меня ноги, что я со-

вру страховой и вернусь домой хромая, но счастливая, — я бы рассмеялась в лицо.

Но именно так всё и было.

Май 2019 года. Мне сорок. Три года после развода. Три года, за которые я научилась спать одна, чинить смеситель, говорить «нет» и не извиняться. Я ходила к психологу, качала пресс, делала маникюр раз в две недели. Не потому, что кто-то смотрел. А потому, что мне нравилось видеть в зеркале женщину, которая держит себя в руках.

Мужчин я обходила стороной, как обходят стройку. Знаешь, что там опасно, — и не подходишь.

Дети — Настя, одиннадцать, и Аня, девять — заслуживали сказку. Я купила тур: Пхукет, четырнадцать дней, пять звёзд, завтраки и ужины. Я представляла: белый песок, волны лижут ноги, девочки визжат от счастья.

Сказка началась с девятичасового чартера, где Аня боялась турбулентности. Девять часов. С двумя детьми. В ряду, где не откидываются кресла. Отличное начало.

Пхукет — это не просто остров. Это самый большой остров Таиланда. Он соединён с материком мостом. С запада

его омывает Андаманское море. Название «Пхукет» происходит от малайского «букит» — холм. Здесь тропический климат: с мая по октябрь — сезон дождей. Мы приехали как раз в мае. В самое начало.

Камера

За месяц до поездки мы с Настей заключили сделку.

Она мечтала о фотосессии. Настоящей: фотограф, платье, обработка, морское побережье. Я посчитала. Фотосессия стоит как половина путёвки.

— Настя, — сказала я. — А что если вместо фотографа — камера?

Она посмотрела на меня, как смотрят дети, которым сказали, что конфеты теперь можно есть вместо супа.

— Настоящая?

— Настоящая. Canon. С объективами. Плюс уроки с фотографом. Но есть условие: в Таиланде фотограф — ты.

— Согласна, — сказала она. Кажется, даже не дослушав.

Мы купили Canon. Чёрный, тяжёлый, солидный. Два объектива, чехол, карта памяти, запасной аккумулятор. Фотограф приходила к нам домой, занималась с Настей по два часа: сначала теория, потом практика.

В ручную кладь мы взяли эту сумку. Тяжеленную. Я несла ноутбук. Настя — камеру. Аня — сумочку с раскрасками. Мы были похожи на экспедицию, которая едет покорять Эверест. А ехали мы всего лишь на Пхукет.

— Мам, а вдруг я что-то сломаю? — спросила Настя в аэропорту.

— Сломаешь — починим, — сказала я. — Снимай.

То, о чём я не сказала никому

За неделю до отъезда я прошла диспансеризацию. Работа требует: раз в год — врачи, анализы, обследования.

А потом мне позвонили.

— Алёна Викторовна, вам нужно прийти. Есть кое-что.

Я пришла. Мне дали бумагу: «Образование в кишечнике, до 5 см. Рекомендовано: дообследование, консультация хи-

рурга».

Пять сантиметров. Отличный размер. Жаль, не то, о чём я мечтала.

Врач говорил про биопсию, про сроки, про «не тянуть». Я кивала. Я записывала. Я была настолько спокойной, что сама себе удивлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.